

*А.В. Квакин, проф. МГУ
им. М.В. Ломоносова (Ломоносов)*

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПАССАЖИР «ФИЛОСОФСКОГО ПАРОХОДА» В РУССКОМ НАУЧНОМ ИНСТИТУТЕ В БЕРЛИНЕ

В истории каждой нации были и будут моменты, когда сама жизнь призывает остановиться и взглянуть в свое прошлое, осознать свое настоящее и подумать о грядущем. Историческая реальность — бытие — дает нам представление о сфере возможностей, объектах творчества человека, формах и условиях его жизнедеятельности. Однако помимо простого изучения и анализа исторического материала для того, чтобы материал этот имел хоть какое-то практическое значение для будущего, необходимо четко представлять себе хотя бы общие закономерности, взаимосвязи, параллели между, казалось бы, несопоставимыми эпохами. В наши дни проблема эта приобретает все больше и больше актуальности не только в связи с глобальной переоценкой ценностей, имеющей место в российском обществе, но и более того — с тенденциями объединения, характерными, в первую очередь, для западного мира. Если нашему обществу понять, что лежит в основе нашей истории, — это возможный залог избежания ошибок, то в мировом масштабе вычислить нечто общее, лежащее в контексте мировой истории, — это шанс создать сообщество наций. И на практике решение данной проблемы может оказать большую услугу идеологии новейшего времени, в которое кое-где уже начинают стираться грани между культурами. Современный человек теряет свою «бессознательную идентичность» с природными явлениями, которые, в свою очередь, теряют свою символическую причастность¹. Он теряет свою способность адекватно ассимилировать в своем сознании новое, что в условиях все убабляющегося прогресса XXI века, может привести к печальным результатам. Отрыв от национальной культуры, от её символов отнюдь не ведет к исчезновению демонов и богов, — они лишь обретают новые имена, *«удерживают человека на ходу своим беспокойством,*

нечетким пониманием, психологическими сложностями, ненасытной жаждой лекарств, алкоголя, табака»².

Среди трагических событий в истории российской интеллигенции XX века часто называют административную высылку большевистским правительством более 100 видных представителей российской интеллигенции. За последние годы проведена большая работа по выявлению новых исторических документов и по изучению исторических фактов данного акта Советской власти, их осмыслению³.

В июне 2002 г. в Нижнем Новгороде прошла защита кандидатской диссертации И.И. Маториной со странной, как мне кажется, темой: *«Проблема высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 г. в контексте взаимоотношений «старой» интеллигенции и Советской власти»⁴*, необычной по форме (например, собственно высылке посвящена только 5 глава) и невразумительной по содержанию (судя по тексту автореферата). Например, в работе делается вывод, что *«Одним из немногих положительных итогов высылки является факт разрешения проблемы с интеллигентскими кадрами на периферии за счёт привлечения труда высланных в пределах РСФСР...Одновременно высылка способствовала становлению и расцвету новой, "социалистической" культуры»⁵*. Следуя этой логике, этот самый «расцвет» так называемой «социалистической культуры» наступил в период массовых репрессий 1930-х – 1940-х годов, после перемещения огромных потоков интеллигентских кадров в места не столь отдалённые.

В целом, на мой взгляд, в современной литературе не произведено глубокое осмысление целого ряда аспектов данной эмиграции интеллигенции в форме насильственной высылки.

Во-первых, до сих пор не прослежены не только политические и идеологические, но и глубинные общекультурные предпосылки данной экспатриации. Довольно часто можно услышать миф об «исключительно жестокой акции большевиков в отношении собственной интеллигенции». Что есть современный российский миф, в его нынешнем понимании, — несоответствие реальности (в т.ч. и исторической), которое используется властями, организациями, СМИ, отдельными гражданами или новый виток древних праисторических мотивов? Он, подобно мифу древности, выполняет в такой трактовке космогоническую функцию — успокоение общества, до определенной степени его самоуспокоение. Для его создания и распространения используются

архетипические бинарные оппозиции, которые в каждую конкретную эпоху имеют свое особое «менталитетное» выражение (например, возвращаясь к прошлому, оппозицию **свой** — **чужой** можно найти в монгольский период в противопоставлении христиан — татарин; недаром, именно после нашествия появляется термин «крестьянин», а сам татарин, по словам Белинского, «огадил в понятии русского» всякого иноземца⁶; потом место татарина займут «латиняне», немцы, Запад в целом и американцы в частности...). В чем суть господствующих в то или иное время мифологем — о власти и государственности с предельной их идеализацией, мифологема интеллигенции о власти, революционная, дублировавшая в определенной степени старые, — всех этих «гражданских», по определению Дж. Бирлайна мифов, которые *«создают основу для образования государства и обеспечивают полномочия правительства, объединяя всех граждан с помощью общего символизма»*⁷? В какой степени данное понимание мифа отходит от понимания мифа архетипического?

Сразу необходимо пояснить, что, беря конкретный отрезок истории, — не только первобытность, но и последующие эпохи, — сразу придется разграничить различные уровни мифа. Существует миф архетипический (первый уровень). Он сопоставим с древнейшими человеческими ощущениями, ориентацией человека в природной среде и сообществе себе подобных, с его *«базовыми эмоциями» (радость, удивление, гнев, страх, голод, сексуальное влечение и пр.)*⁸. Эти мифологические представления являются общечеловеческими. Строй образов такого мифа менее всего национально специфичен. Ведь в основе его — архетип, который пока не спешит меняться. Поэтому ту же бинарную оппозицию **свой** — **чужой** можно выделить, практически, в любую эпоху в любой стране. В основе ее — универсальная для человечества эгоцентрическая позиция познающего субъекта. В мифологическом пространстве существует сакральный центр и потенциально враждебная периферия — это достаточно универсальный психофизический механизм. А вот уже проекция а) на конкретные условия жизни нации и б) историческое развитие данной нации и дает конкретное преломление данного мифа в менталитете.

Тот же мифологический мотив **свой** — **чужой** постоянно обыгрывался в славянской, и особенно — русской традициях. Особые исторические, географические, геополитические, религиозные факторы существенно обострили эту оппозицию (открытость границ нашествиям, татаро-монгольское иго и т.д.).

Это повлияло и на характер нашей государственности (как говорил В.О. Ключевский, бедное государство должно было содержать большую армию, а потому давало служилым людям земли, а чтобы обеспечить их боевую готовность, постепенно закрепощало крестьян). Однако более важен тот факт, что сам этот архетипический мотив и его актуальность не угасали со временем, а иногда принимали даже угрожающий размах. Здесь стоит отметить еще один важный фактор сего — особенность самой сущности российской цивилизации.

Долгое время, пожалуй, вплоть до XX века, Россия оставалась крестьянской цивилизацией с традиционным типом культуры. Вернувшись назад, еще в эпоху первобытности, вспомним, что зрелая и поздняя первобытность представлены неолитическими культурами⁹. В результате «неолитической революции» возникают скотоводство и земледелие. В неолите появляется общественно-экономический, культурный, бытовой, психологический уклад, который называется крестьянской (земледельческой) цивилизацией. Идеология крестьянской цивилизации – **миф**, анимистические верования (т.е. вера во всеобщую одушевленность мира), основная социальная ячейка – большая семья. Мировая деревня удивительно однородна: от Атлантики до Китая сходные орудия труда, фольклорные сюжеты, кровнородственные связи и верования. А для идеологии крестьянской цивилизации противопоставление **своих** и **чужих**, то есть врагов по определению, общепринято. Именно эти противопоставления и использовали большевики, когда поставили вопрос об очищении «рабоче-крестьянского государства» от «чуждых ему элементов».

Депортация инакомыслящих интеллигентов в 1922 году как самостоятельная проблема практически не подвергалась серьёзному осмыслению. Если о ней и заходил разговор, то обсуждение практически ограничивалось рассмотрением, несомненно, присущего ей политического аспекта. Но политическая сторона действий большевиков не исчерпывает данного сложного и не поддающегося однозначной оценке социального феномена. Эта акция Советского правительства не могла бы быть осуществлённой, если бы не опиралась на массовое сознание.

Во-вторых, насильственная высылка из страны становится возможной только в условиях существования идеи врага. Если бы в русском общественном сознании были достаточно прочно укоренены и развиты представления о социальных свободах, то сама мысль об экспатриации была бы в принципе

недопустимой. Однако в тех условиях господствовали не правовые нормы, а мало понятная «революционная законность», которая освобождала от ответственности от действий в отношении так называемых «классовых врагов и их прислужников». Именно такой подход виден из обсуждения среди членов Политбюро вопроса о высылке. Большевицкое руководство обеспокоили попытки интеллигенции играть самостоятельную роль в условия провозглашения «новой экономической политики». Поэтому 27 августа 1921 г. был распущен Всероссийский комитет помощи голодающим, а большинство его членов – представителей интеллигенции – обвинено «в контрреволюционной игре». С начала 1922 г. проходили забастовки в вузах против условий существования и принятия «Положения об управлении высшими учебными заведениями республики», ликвидировавшего автономию вузов. А 10 – 14 мая 1922 г. – 2 Всероссийский съезд врачебных секций при ЦК профсоюза Всемедикосантруд в Москве, который был охарактеризован В.И. Лениным¹⁰, как сборище пособников контрреволюции. В этих условиях происходит разработка идеи о высылке «антисоветской интеллигенции», что хронологически выглядит так:

- 15 мая 1922 г. В.И. Ленин развил мысли по поводу проекта «Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР», высказанные ещё в дополнениях к этому документу «...*Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)*», и далее «*По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)*»¹¹. В.И. Ленин тщательно готовил вопрос о высылке за границу и направляет заключение председателю ГПУ Ф.Э. Держинскому¹², предполагая показать свой проект членам Политбюро ЦК РКП (б) и сообщить их отзывы¹³.

- 17 мая 1922 г. В.И. Ленин направляет наркому юстиции Д.И. Курскому¹⁴ письмо с двумя вариантами дополнительного параграфа Уголовного кодекса РСФСР. Здесь, в частности В.И. Ленин предлагал внести следующий вариант статьи УК РСФСР: «*Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признаёт равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному её свержению, путём ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т.[ому]*

под.[обными] средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу»¹⁵.

- 19 мая 1922 г. В.И. Ленин в письме председателю ГПУ Ф.Э. Дзержинскому поднимает вопрос *«о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции»¹⁶*, и о том, что такого рода лиц надо *«излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»*.

- 21 мая нарком здравоохранения Н.А. Семашко¹⁷ в письме на имя В.И. Ленина и членов Политбюро пишет, что на съезде врачей выявились *«важные и опасные течения..., которыми успешно пользуются кадеты, меньшевики и эсеры... и которые широко распространены среди не только врачей, но и спецов других специальностей»¹⁸*.

- 22 мая Ленин на письме Н.А. Семашко сделал пометку о необходимости *«строго секретно (не размножая)»* показать письмо Ф.Э. Дзержинскому и всем членам Политбюро, с тем чтобы *«вынести директиву»* и *«разработать план мер»¹⁹*.

- 23 мая предложение В.И. Ленина вместе с письмом Н.А. Семашко было направлено членам Политбюро. Сталин²⁰, Троцкий²¹, Каменев²², Рыков²³ и Молотов²⁴ высказались «за», воздержался один Гомский²⁵, считавший, что *«во многом виновны мы сами и в первую голову т. Семашко»²⁶*.

- 24 мая Политбюро приняло официальное постановление, в котором Дзержинскому *«при помощи Семашко»* поручалось *«выработать план мер и доложить Политбюро в недельный срок»²⁷*.

- 2 июня в «Правде» опубликована статья «Диктатура, где твой хлыст?» с резкой критикой литератора Ю.И. Айхенвальда²⁸, где говорилось о необходимости «отстегать» интеллигенцию в массовом порядке.

- 8 июня Политбюро детально обсудило доклад заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта²⁹ и приняло решение *«Об антисоветских группировках среди интеллигенции»*. Была создана комиссия *«для окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок»* в составе И.С. Уншлихта, Д.И. Курского и Л.Б. Каменева³⁰.

- 22 июня на заседании Политбюро был рассмотрен доклад И.С. Уншлихта, и было поручено разбить список подлежащих высылке врачей на три группы по степени «вины» и характеру наказания³¹.

- 17 июля 1922 г. во время обсуждения среди членов Политбюро вопроса о высылке, Председатель СНК В.И. Ленин в письме к Генеральному секретарю ЦК РКП (б) И.В. Сталину предлагал *«арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!»*, а высылаемые из «рабоче-крестьянского государства» интеллигенты, по замыслу организаторов высылки, должны были, находясь временно, «до победы мировой пролетарской революции» на буржуазном Западе, осознать ошибочность своих взглядов, «перевоспитаться» и с воодушевлением встретить грядущую победу мирового пролетариата³². При этом Ленин высказал недовольство темпами подготовки высылки.

- 22 июля Политбюро обсудило деятельность комиссии И.С. Уншлихта. Она была признана неудовлетворительной *«как в смысле недостаточной величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования»*. Для повышения качества работы было решено создать *«необходимые подсобные комиссии»*³³.

- 31 июля комиссия И.С. Уншлихта постановила выделить в особый список группу врачей из 11 человек, высылаемых на 2 года в северные и восточные губернии. Всех остальных предлагалось выслать за границу *«как лиц, не примирившихся с советским режимом в продолжение почти 5-летнего существования Советской власти и продолжающих контрреволюционную деятельность»*. Их следовало арестовать в 3-хдневный срок и добиться выезда за свой счёт, а в случае отказа – выслать за счёт ГПУ³⁴.

- 2 августа на имя И.В. Сталина поступил первый пакет со списками высылаемых.

- 9 августа на заседании Политбюро утверждаются все кандидатуры на высылку с Украины.

- 10 августа на заседании Политбюро рассматриваются списки высылаемых.

- 10 августа принимается Декрет ВЦИК «Об административной высылке».

- В ночь с 16 на 17 августа в Москве и Петрограде, 18 августа на Украине происходит массовый арест, предназначенных к высылке.

- 30 августа Л.Д. Троцкий дал интервью американской журналистке Луизе Брайант³⁵ о том, почему предпринимается высылка интеллигентов. По мнению Л.Д. Троцкого, они, оставшись в России, могут стать потенциальным оружием в

руках вооружённых врагов Советской власти, и тогда *«мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны»*³⁶.

• 31 августа в «Правде» была опубликована статья «Первое предостережение». В ней были упомянуты основные «опорные пункты» антисоветской интеллигенции и названы обвинения, предъявленные конкретным группам интеллигенции – учёным, врачам, писателям, кооператорам и др. Там же говорилось о приговоре о высылке по постановлению ГПУ. В статье выражалась уверенность, что все трудящиеся встретят приговор с сочувствием, ибо они с нетерпением ждут, когда, наконец, эти *«идеологические врангелевцы и колчаковцы будут выброшены с территории РСФСР»*.

«Революционное правосознание» лидеров большевиков подсказало им столь «гуманный», как им казалось, по тем временам вариант *«перевоспитания идеологических прислужников буржуазии»*.

В-третьих, нужно видеть, что для многих высылаемых сама по себе высылка была практически единственным способом спасения собственной жизни. И, если большевики оценивали высылку, как наказание инакомыслящих, то для многих «внутренних эмигрантов» в Советской России «философский пароход» стал символом приобретения свободы. Современный исследователь В.Л. Телицын справедливо писал: *«Пусть это не покажется кощунственным, но, в конечном счете, оказалось, что принудительная высылка спасла подвергшихся депортации от будущей неминуемой гибели в лагерях ГУЛАГа (хотя до некоторых чекистская рука дотянулась и за границей). Не сложно себе представить, как могли закончить свои дни Н.А. Бердяев³⁷, С.Н. Булгаков³⁸, М.А. Осоргин³⁹, С.Н. Прокопович⁴⁰ и многие другие, останься они в России. Достаточно вспомнить судьбы тех, кто «предназначался к высылке», но в силу различных обстоятельств избежал её, – аграрника Н.Д. Кондратьева⁴¹, философа Г.Г. Шпета⁴², экономиста И.Х. Озерова⁴³ ... Лишившись родины, высланные сохранили жизнь и свободу; как сказал один из русских эмигрантов, «Родина без свободы для меня не родина, а свобода без родины, хоть и очень тяжела, но всё-таки остаётся свободой»⁴⁴.*

Это подтверждает и тот факт, что, оставленные в России лица, первоначально намеченные к депортации, скоро подверглись физическому уничтожению. Так, за Н.Д. Кондратьева вступился О.Ю. Шмидт⁴⁵, в будущем

известный путешественник и исследователь полярных широт. В 1930 г. Кондратьев был арестован и в 1938 г. расстрелян. А в середине 1990-х гг. сын О.Ю. Шмидта – известный историк, профессор С.О. Шмидт⁴⁶ – попросил прощения у дочери Николая Дмитриевича за своего отца, из лучших побуждений сорвавшего в 1922 г. высылку Кондратьева за рубеж⁴⁷.

В-четвёртых, за последние 10 – 15 лет аресты и высылка за границу большой группы интеллигенции 1922 г. определяются частью публицистов, как «начало массовых репрессий» со стороны Советской власти. Так, известный современный историк интеллигенции В.Л. Соскин рассматривает высылку *«как первый опыт... по организации масштабного преследования инакомыслящих»*⁴⁸.

Утверждается, что инициатором подобных действий был Л.Д. Троцкий. Например, В. Костиков пишет: *«Появление в "Правде" статьи "Диктатура, где твой хлыст? ", подписанной таинственным инициалом "О" (существует предположение, что, статья написана Троцким⁴⁹), открывает гонения на ту часть интеллигенции, которая продолжает отстаивать право на независимость мнений и практические меры по "очищению" страны от несогласных. В августе 1922 г. из страны без суда, административным решением ГПУ было выслано 160 человек, открывших первый список советских "диссидентов"»*⁵⁰. Н.О. Лосский в своё время также говорил о Л.Д. Троцком как инициаторе высылки за границу, объясняя это решение тем, что *«в это время большевистское правительство добивалось признания государствами Западной Европы. Арестованы были лица, имена и деятельность которых были известны в Европе, и большевики хотели, очевидно, показать, что их режим не есть варварская деспотия»*⁵¹. Правда, есть и мнение, что акция депортации инакомыслящей интеллигенции была предпринята во время болезни В.И. Ленина по инициативе И.В. Сталина, а открыли гонения ответы чекистов на сталинские призывы в статье в «Правде» под названием «Первое предостережение»⁵². В качестве инициатора и руководителя высылки называется также и глава питерских большевиков Г.Е. Зиновьев, который в одном из своих выступлений утверждал, что новой России нужны интеллигентные силы, но при этом вольно ли невольно признавался, что в каждом интеллигенте видит врага новой власти⁵³. Современный исследователь Ю.Н. Емельянов, со ссылкой на берлинскую газету «Руль» от 3 октября 1922 г., утверждает, что решение о высылке *«как о мере наказания было принято, по-видимому, в связи с выступлением Зиновьева, где*

говорилось о необходимости устранения из Советской России враждебной власти интеллигенции»⁵⁴. Предпринимаются и другие попытки рассмотреть роль В.И. Ленина и других большевистских лидеров в данном мероприятии⁵⁵.

Исследователям пока недоступен весь комплекс документов по мотивам и характеру депортации, но среди имеющихся в распоряжении историков документальных источников хотелось бы обратить внимание на следующее. Именно В.И. Ленин, как показывает хронология событий, был инициатором репатриации инакомыслящих, тщательно готовил вопрос о высылке за границу, предполагая свои проекты членам Политбюро ЦК РКП (б), и особенно Ф.Э. Дзержинскому⁵⁶. Интересное замечание позже высказал один из высланных – писатель М.А. Осоргин: «...В Москве шёл слух, что в командующих рядах нет полного согласия по части нашей высылки; называли тех, кто был за и кто был против. Плохо, что "за" был Троцкий. Вероятно, позже, когда высылали его самого, он был против этого!»⁵⁷.

Первоначально предполагалось выслать интеллигентов в Германию. Страна высылки, скорее всего, была выбрана неслучайно, ибо только Германия оставалась с Советской Россией в партнёрских отношениях в то время, хотя порой в эмиграции высказывались предположения и намёки на «старые связи большевиков с кайзеровской разведкой». В доверительном письме С.Д. Боткина⁵⁸ М.Н. Гирсу⁵⁹ от 14 декабря 1922 года сообщается: «Советское правительство само обратилось в германское посольство в Москве с запросом о возможности для высылаемых получить германские визы. Посольство ответило, что Германия не является местом ссылки для иностранцев, но что в случае, если сами заинтересованные обратятся с соответствующим ходатайством, посольство преминет поддержать таковое перед своим правительством. Действительно, наши учёные получили из Берлина немедленно благоприятный ответ на их просьбу о разрешении на въезд в Германию, и здесь встретили вполне радушный приём»⁶⁰. Когда Совнарком обратился к германскому правительству с просьбой выдать соответствующие визы, «Канцлер Вирт ответил, что Германия не Сибирь и ссылать в неё русских граждан нельзя, но если русские учёные и писатели сами обратятся с просьбой дать им визу, Германия охотно окажет им гостеприимство. Тогда правительство в Петрограде освободило от ареста тех из нашей группы, кто был старше 50 лет, и поручило нам достать визы для себя и для своих более молодых товарищей»⁶¹, – вспоминал и философ Н.О. Лосский⁶².

Правовое сознание германских властей не позволяло им воспринимать высылку в их страну как правомерный юридический акт, и они потребовали «цивилизованного» оформления въезда в Германию значительной группы россиян, но это не могло остановить «творцов новой, пролетарской юстиции». «Карающий меч революции» должен был свершить своё дело.

В-пятых, обращает на себя внимание то, как составлялись списки высылаемых. Современный исследователь Ю.Н. Емельянов очень верно заметил: *«1922 год – трагическая дата в истории отечественной науки и культуры. В августе этого года из России без суда и следствия, административным решением была выслана большая группа писателей, учёных, деятелей культуры. Людей "выдворяли" из собственного Отечества. Данная акция является уникальной в истории взаимоотношений интеллигенции и власти. Высылка интеллигенции в этом году была, бесспорно, последним крупным разрывом живой плоти русской культуры. Высылались даже те, молчание которых было очевидным укором новой власти (подчеркнуто мной – А.К.)»*⁶³. Данный отбор высылаемых был во многом случаен, зависел и от взаимоотношений отдельных представителей интеллигенции с местными большевистскими властями, и от оценки последними степени «опасности» того или иного кандидата: зачастую именно с подачи местных властей центр включал людей в списки на высылку.

На это обратила внимание современная исследовательница из Казани С.Ю. Малышева: *«Почему же имена трёх казанских профессоров – 41-летнего Стратонова⁶⁴, 48-летних Овчинникова⁶⁵ и Трошина⁶⁶, не занимавшихся непосредственно политической деятельностью, не участвовавших ни в каких заговорах и восстаниях (даже не "скомпрометировавших" себя поддержкой Комуца летом 1918 г., в отличие от многих профессоров Казанского университета, которые приветствовали приход Народной Армии), оказались в списках 1922 г. на высылку? Каждый из этих авторитетных учёных, к мнению которых прислушивались в городе, людей умных и смелых, не способных к слепому послушанию вообще и в частности, при контактах с новой властью и её подчас безграмотными чиновниками, людей неравнодушных, не боявшихся открыто высказывать свои суждения, разумеется, могли раздражать местные и центральные власти»*⁶⁷.

Критик Ю.И. Айхенвальд, высланный в 1922 г., писал литератору В.Ф. Ходасевичу⁶⁸ 5 августа 1926 г. о роли отдельных личностей в составлении списка

на депортацию: *«О Брюсове... И сам я меньше всего склонен его идеализировать. Он сделал мне немало дурного, и когда сопричислился к сильным мира сего, некрасиво, т.е. экономически мстил мне за отрицательный отзыв о нём в одной из моих давнишних статей. Самая высылка моя – я это знаю, наверное, из источника безукоризненного – прошла при его содействии»*⁶⁹. Эти сведения позволяют предположить, что кандидатуры для высылки подбирались часто субъективно.

В доверительном письме С.Д. Боткина М.Н. Гирсу от 14 декабря 1922 года сообщается: *«Подобные же высылки, оставшиеся для широкой публики почти незамеченными, были произведены и из остальных частей федеративной республики. Так была выслана из Грузии и проследовала в Германию группа общественных и политических деятелей, в числе 62 человек, из них, между прочим 60 принадлежат к социал-демократической партии. Рассказы грузинских изгнанников дают уже всем хорошо известную картину царящего в Совдепии насилия, хаоса и развала, проникших вместе с Красной армией и в Закавказье»*⁷⁰.

В-шестых, при осуществлении депортации возникло немало «накладок» и «нестыковок». Они порой позволяют проследить механизм работы репрессивного аппарата большевиков. И, что особенно важно для нас, через единичные случаи мы можем извлечь общий урок функционирования антидемократического режима. А именно, то, что под маховик репрессий может попасть случайно любой человек. Основатель Института истории искусств в Санкт-Петербурге граф В.П. Зубов⁷¹ вспоминал: *«Это было время, когда ГПУ было сравнительно снисходительно: все профессора, арестованные в этой группе, в последствии были высланы за границу, что для большинства было осуществлением их тайных желаний. Также и [В.Н.] Строев⁷² получил приказ о высылке: он продал свою библиотеку, мебель и приготовился к отъезду. Неожиданно перед ним извинились, его-де спутали с другим лицом, с профессором [В.А.] Строевым-Десницким⁷³. Он, значит, не высылался, и ему отказали в обещанном заграничном паспорте. Можно себе представить его горькое разочарование. Кажется, что после долгих стараний ему удалось всё же получить разрешение на выезд, по крайней мере, много лет спустя я встретил его в Берлине, где он и скончался»*⁷⁴.

Данная информация заставила меня обратиться к протоколам допросов высланных. Практически все они стандартные, очень похожи друг на друга. По свидетельству высланного В.А. Мякотина⁷⁵, каждому кандидату на высылку

необходимо было заполнить анкету из семи вопросов, касающихся политических взглядов, отношения к Советской власти и «пролетарской республике», к интеллигенции, сменовеховцам, процессу эсеров, забастовке профессоров и так далее. По мнению составителей анкеты, ответы на неё должны явиться достаточным основанием для решения вопроса о высылке⁷⁶.

Но с протоколами допросов Строевых произошёл характерный казус. В списке «антисоветской интеллигенции» – кандидатов на высылку, обсуждённом на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), за подписью Л.Б. Каменева, Д.И. Курского, И.С. Уншлихта нет упоминаний ни одного из интеллигентов с фамилией «Строев»⁷⁷. Но в «Репорте о состоянии операции по высылке антисоветской интеллигенции на 23 августа 1922 г.» в разделе об арестованных Петроградским губотделом ГПУ с 16 на 17 августа профессор Василий Николаевич Строев значится первым⁷⁸. А в протоколах допросов обнаружена только одна папка с делом одного Строева. И здесь начинаются нестыковки. Уже в заголовке допроса указан «Строев» как псевдоним публициста Василия Алексеевича Десницкого, но допрашивают профессора Василия Николаевича Строева. В протоколе допроса записаны показания последнего: *«С 1919 по 1920 год был в Тамбове и преподавал как профессор истории. Никогда ни в каких партиях не состоял и не состою. Политических убеждений у меня нет, и никогда не было, ибо я всё время занимался своей наукой, а притом я являюсь тяжело больным физически. Со структурой Советской власти я знаком и вполне её признаю. О системе пролетарского государства я судить не могу, ибо я находился далеко от науки [так в тексте – А.К.] . Мои взгляды на значимость интеллигенции, так называемой "общественности": Интеллигентами я считаю всякого образованного человека не зависимо от его класса и как [тех, кто – А.К.] ищут общественности для распространения своих знаний и благосостояния всего народа. На методы борьбы с Советской властью профессоров, как-то забастовки, я смотрю отрицательно, ибо наука не должна вмешиваться в политические дела страны, а [должна – А.К.] отдавать свои знания для поднятия культуры в стране. К сменовеховцам я отношусь критически, ибо их взгляды на то, что интеллигенция относится враждебно к пролетарскому строительству, не отвечают действительности, ибо насколько я знаю, большая часть интеллигенции всегда шла навстречу народу. К Савинкову и Партии социалистов-революционеров, то к*

ним я отношусь отрицательно за их террористическую работу. Мои взгляды на политику Советской власти в области высшей школы вполне совпадают с моими воззрениями, так как я являюсь ярким противником лекционной системы и сторонником семинарской системы. О перспективе русской интеллигенции за границей – я считаю, что оно не может принести ни добра, ни зла и [её эмигрантское существование – А.К.] абсолютно бессмысленно, поскольку она оторвалась от РСФСР». Все эти показания не помешали следователям ОГПУ вынести постановление о предъявлении профессору В.Н. Строеву обвинения в контрреволюционной деятельности и аресте. Не заметили они и то, что профессор В.Н. Строев жил в 1919 – 1920 годах в Тамбове, хотя публицист В.А. Строев-Десницкий в это время находился в Петрограде, где был инициатором создания группой социал-демократов-интернационалистов газеты «Новая жизнь». Профессор В.Н. Строев утверждает, что *«политических убеждений у меня нет и никогда не было»*, в то время как публицист В.А. Строев-Десницкий в своих публикациях достаточно критически, во многом с позиций Максима Горького, относился к отдельным сторонам политики большевиков. И вот невинный человек, далёкий от политики, оказался в числе «злейших врагов Советской власти». Не помогло и письмо в его защиту ректора университета М. Серебрякова, и многочисленные справки о тяжёлом состоянии здоровья. И тут вдруг выясняется ошибка, профессор В.Н. Строев не высылается, а высылается публицист В.А. Строев-Десницкий... на основе всё тех же показаний однофамильца. Следственное дело не стали переписывать, дополнительный допрос не стали производить, просто на папке со следственным делом аполитичного профессора В.Н. Строева приписали рядом с псевдонимом социал-демократа - публициста его настоящую фамилию – «Десницкий». Трафаретный протокол и шаблонный приговор не требовали лишних усилий со стороны чекистов.

Окончательное заключение по делу профессора В.Н. Строева было вынесено только 24 января 1923 г.: *«Следствием виновность Строева не установлена...»*. Сам профессор В.Н. Строев по поводу случившегося писал 27 октября 1930 г. в Берлине: *«Из всех арестованных, но не расстрелянных в России учёных, я испытал, может быть, самую худшую участь: я предназначался к высылке, уже ликвидировал, всё распродал, готовясь к отъезду, как вдруг ни с*

того, ни с сего был оставлен. Причиной этого было вовсе не «помилование», как говорил здесь [в эмиграции – А.К.] проф. Стратонов, а новый на меня донос со стороны всемогущего тогда в университете «красного профессора» Цвибака: Он донёс о моей близости к польскому посольству (которое выразилось только в том, что в составе последнего находились мои ученики, с которыми у меня были самые тесные, душевные отношения), и что я, как бывший член Комиссии по ликвидации Царства Польского при Временном правительстве, могу быть полезен своими указаниями полякам: тогда это был жгучий вопрос. Вскоре затем меня устранили от лекций в университете и вообще от педагогической деятельности, по словам тогдашнего ректора Державина⁷⁹, согласно требованию университетского коммунистического коллектива, и я, разорённый в конце и больной, остался решительно без всяких средств к существованию.... С невероятными усилиями мне удалось уехать из России, но в Берлин, куда я попал совершенно случайно, меня ждали новые испытания, может быть ещё худшие»⁸⁰. А 19 февраля 1923 г. Политбюро постановило по предложению Ф.Э. Держинского отменить и высылку известного социал-демократического публициста В.А. Строева-Десницкого⁸¹.

Некоторые из высылаемых подавали прошения об отмене решения о высылке, за кого-то вступились известные советские деятели. Но для большинства осуждённых приговор был окончательным. Тогда публицист Д.В. Философов⁸² «с пассивным отвращением согласился» на отъезд, хотя «был инертен и безучастен»⁸³. «И не всем удалось так благополучно выбраться за границу, как той группе профессоров, которой в 1922 г. было предложено на выбор, подвергнуться суду по статье, карающей смертной казнью, или быть изгнанным из пределов Советского Союза»,⁸⁴ – вспоминал бывший ректор Московского университета М.М. Новиков⁸⁵. А философ Ф.А. Степун⁸⁶ писал: «Узнав, что всё оказалось правдой, что я, действительно, высылаюсь за границу, что мы, может быть, уже через две недели окажемся в Берлине, она (жена – А.К.) странным образом, не обрадовалась, а лишь успокоилась: что высылают – грустно, но что не ссылают, конечно, счастье...»⁸⁷.

И вот происходит высылка. 23 сентября поезд с первой группой изгнанников отбыл в Латвию. 29 сентября группа из 33 высылаемых из Москвы и Казани отправилась в Петроград, чтобы на следующий день отплыть на двух германских пароходах – «Обер-бургомистр Хакен» и «Пруссия» – в Германию,

Штеттин. В сентябре из Одессы была выслана группа профессоров в Константинополь. В октябре из Одессы была выслана группа из 12 профессоров в Варну. 18 ноября в Штеттин прибыла группа из 17 высланных из Петрограда (с семьями – 44 человека). *«На пароходе ехал с нами сначала отряд чекистов. Поэтому мы были осторожны и не выражали своих чувств и мыслей. Только после Кронштадта пароход остановился, чекисты сели в лодку и уехали. Тогда мы почувствовали себя более свободными. Однако угнетение от пятилетней жизни под бесчеловечным режимом большевиков было так велико, что месяца два, живя за границей, мы ещё рассказывали об этом режиме и выражали свои чувства, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то, опасаясь»*⁸⁸, – вспоминал Н.О. Лосский. По сведениям литератора Н.А. Оцуца⁸⁹, *«с первой партией высланных литераторов в Берлине ждали и Замятина»*⁹⁰. Все знали, что, и он был арестован. Знали, что ему, как другим, хочется воздуха Европы. Не знали только, что этот европеец сильнее, чем многие, привязан к России. Когда, благодаря хлопотам друзей и учеников, ему предложили на выбор: уехать или остаться, – Замятин предпочёл остаться»⁹¹. Так что, следует отказаться от модного публицистического штампа о «зверской высылке», ибо для многих «внутренних эмигрантов» в Советской России «философский пароход» стал не только символом приобретения свободы, но и определённой альтернативой выбора дальнейшей судьбы.

В-шестых, пассажиры «философского парохода» оказались, как правило, чужими в Российском Зарубежье. Документы, обнаруженные в архиве Гуверского института войны, революции и мира Стенфордского университета США показывают, что руководители Российского Зарубежья настороженно отнеслись к интеллигентам, высланным из Советской России. Стремление большевиков избавить Советскую Россию оттого, что оценивалось ими как негативное, в какой-то степени можно объяснить довольно примитивным, но в целом естественным желанием покончить сразу и окончательно со всяким социальным злом («свои» – «чужие»). Эмигранты также оценивали высланных с позиций времён Гражданской войны, когда врага уничтожали физически. Высылка не вкладывалась в прежние представления. Поэтому интеллигенты, высланные из Советской России, воспринимались часто в качестве «агентов большевиков» (достаточно часто в переписке известных деятелей эмиграции утверждается, что

они «не высланные, а засланные»), то есть через ту же оппозицию «свои» – «чужие».

В определённой мере настороженность к изгнанникам проявила и европейская общественность. Так в доверительном письме С.Д. Боткина М.Н. Гирсу от 14 декабря 1922 года сообщается: *«Здесьняя социалистическая газета "Vorwärts" с большим сочувствием отзывается о прибывших политических врагах советского строя и во всех подробностях приводит на своих страницах их мрачные рассказы о советском режиме. Буржуазные же газеты об этом хранят полное молчание»*⁹². Скорее всего, молчание буржуазной прессы и слабый общественный резонанс были санкционированы германскими властями, не желавшими акцентировать внимание общественности Германии на двусмысленной позиции своего правительства в отношении высылки российских интеллектуалов.

В-седьмых, изменения, происходившие в России в целом и в той или иной мере вызванные эмиграцией, нельзя определить иначе, как общенациональные – духовные, нравственные, культурные, материальные, наконец, – потери и утраты. Практически каждый экспатриант был способен в меру собственных сил способствовать развитию и процветанию своей Родины. За счёт высланных за пределы Родины в 1922 г., как считает историк Российского Зарубежья П.Е. Ковалевский, зарубежная *«категория русских мыслителей сильно пополнилась»*⁹³. А литератор того времени Ю.К. Терапиано⁹⁴ полагал, что *«высылка из Советской России большой группы писателей, философов, учёных и политических деятелей в 1922 г. влила в эмиграцию новые квалифицированные силы и способствовала повышению её авторитета на Западе»*⁹⁵.

Одним из результатов иммиграции русских учёных в Германию стала организация Русского научного института в Берлине, инициатором создания которого был Н.А. Бердяев. А.В. Карташёв⁹⁶ сообщал следующие сведения по этому вопросу: *«По прибытии в Берлин проф. Бердяева, которого материально поддерживает Ассоциация Христианской Молодёжи»*⁹⁷, *возникла мысль организовать в Берлине научный институт, и первоначальные средства на это дело были предоставлены выше названной организацией, но не прямо научному Институту, а через Философско-религиозную академию. Научный институт, следовательно учреждён был и открыл своей деятельностью при материальной*

поддержке со стороны Ассоциации Христианской Молодёжи. За тем, в Германии образовался круг лиц, сочувствующих целям Института, который принял на себя заботу о дальнейшем сборе денежных средств для него и путём подписки в Берлине было собрано около 5000 франков. Один из организаторов этой подписки своевременно прибыл в Париж, и здесь предполагал собрать средства русской колонии, также денежные суммы, необходимые для поддержки Института. Однако при этом выяснилось, что в Париже, по политическим мотивам не представляется возможным широко агитировать за сбор денег для Научного Института в Берлине. Германский Красный Крест, который заботится о высланных из России учёных, предоставляя им квартиры, пособия и т.п., принял участие в судьбе Института, и через разные общественные учреждения в Берлине Институту было предоставлено достаточное помещение бесплатно и оказана некоторая денежная помощь.

Русская Академическая Группа в Париже⁹⁸ получила от Президиума Научного Института приглашение принять в нём деятельное участие, но по обсуждению этого вопроса выяснилось, что участие Академической Группы в Париже открытое, повредит делу поддержки этой группы со стороны Министерства Народного Просвещения в Париже, почему и решено было предоставить каждому участнику группы участвовать в организации Научного Института в Берлине персонально.

Одновременно, между представителями Русской Академической Группы в Париже и Министерством Народного Просвещения возникли переговоры о возможности перевода Научного Института в Париж, но фактически дело свелось к тому, что М.[инистерство] Н.[ародного] П.[росвещения] высказалось за желательность предоставления некоторым профессорам из группы Научного Института в Берлине, обнаружившим своё франкофильство, права переехать в Париж для работы здесь на тех же основаниях, как работает Русская Академическая группа в Париже. На это предложение Р[усская] А[кадемическая] Г[руппа] ответила принципиальным согласием, но с тем, чтобы необходимые для сего кредиты были Группе предоставлены своевременно. Кредитов этих французским правительством предоставлено не было, некоторые из профессоров, обнаруживших свое франкофильство, устроились в других университетах (Чехословакии, Англии и т.п.) и таким образом и последнее предположение отпало»⁹⁹.

После начала работы Русского научного института возникло немало проблем. Об этом говорится, в частности, в документе, составленном всё тем же несостоявшимся пассажиром «философского парохода» – профессором В.Н. Строевым: *«Я застал здесь Русский Научный Институт ещё как высшее учебное заведение. Для того чтобы быть в нём профессором или доцентом, не требуется никакого научного ценза, а достаточно избрания, которое на практике всецело зависит от всемогущего ректора г. Ясинского и небольшого кружка его сателлитов. (Влияние г. Ясинского¹⁰⁰ здесь основывается на его испытанном умении доставлять из известных ему одному источников деньги на содержание института, в которых он не отдаёт никому никакого отчёта). Раз избранный доцент или профессор Института автоматически становится членом так наз.[ываемого] Академического Союза, где состоит бессменным председателем тот же г. Ясинский. (После долгих перипетий и довольно унижительных хлопот я, наконец, был допущен, как бесправный лектор, к чтению необязательного курса в институте – я, который, как ни как, преподавал почти 25 лет в университете, имею научный ценз и труды, переведённые на многие иностранные языки, тогда как подавляющее большинство членов Института не имеет никакого стажа и ценза. Мне назначено было не жалование, как другим, а только пособие в размере 75 марок. Одновременно я был принят в Академический Союз, что решительно ничего не даёт). Уставы обоих учреждений проведены, как мне приходилось слышать, тем же г. Ясинским, и правила Союза даже не опубликованы, вопреки категорическому требованию германских законов об организациях. [...]*

Благодаря неправильной постановке [учебного процесса – А.К.] Института, о которой здесь не приходится распространяться, он скоро совсем остался без слушателей, и пришлось провести "реформу". Она состояла в том, что как учебное заведение, Институт упразднялся и превращался в "учёное учреждение", т.е. попросту говоря, дело свелось к тому, что каждый член Института должен прочесть известное количество лекций в год, на какие хочет темы, публично, случайной аудитории. Принимая во внимание, что, по "правилам", член Академического Союза "может", но не "должен" получать денежное пособие, всякий здравомыслящий человек не может не быть возмущён вопиющей несправедливостью. С одной стороны – огромные оклады

за небольшое количество публичных лекций, а с другой стороны – совершенно нищенское пособие. Так напр., можно сказать патриарх русской юриспруденции за границей, известнейший учёный проф. Фёдоров¹⁰¹ (д-р права, а доктора права у нас были наперечёт), 40 лет прослуживший в университете получает как член Академического Союза 75 марок пособия, а какой-нибудь бывший мировой судья г. Москвы г. Мелких, правая рука г. Ясинского, никакой учёной степени не имеющий, как член Института получает 300 марок. Я со своей стороны, со всем мирился и добросовестно занимался своим делом. Слушатели у меня всегда были, но вдруг после "реформы" я узнаю, что не состою больше в списке Института и фактически лишаюсь возможности читать лекции – последнего утешения в изгнании. Всякий учёный, любящий свой предмет, поймёт это! [...]

Уже умерли здесь от голода двое учёных, о чём было в печати, в том числе очень выдающийся химик Попов¹⁰². Приходится бедствовать и такому патриарху науки, как проф. Фёдоров, о котором я говорил. Правда, в последнее время, ходят слухи, что и компании г-на Ясинского стали задерживать "жалование", но это не результат каких-либо доносов: видно немцы сами увидели правду; шила в мешке не утаишь!»¹⁰³. Взаимоотношения между высланными представителями российской интеллигенции, судьба репатриантов слабо изучена. Данная сторона депортации также ждёт своего исследователя.

Экспатриация – это неоспоримый симптом социальной болезни, от которой многим странам в XX веке удалось излечиться. Но исторические уроки истории интеллигенции в России и эмиграции ещё требуют глубокого осмысления. И среди этих уроков административная высылка 1922 года, как многоаспектное явление с пролонгированными последствиями, представляется чрезвычайно важным объектом научных изысканий. Особенно это важно заметить сегодня, когда в Государственной Думе России был утверждён президентский проект закона «О борьбе с экстремистской деятельностью», где под уголовно наказуемое преступление – «экстремизм» – подпадает любое сопротивление действиям представителей власти. *«Многие неправительственные правозащитные организации считают, что сфера применения этого закона опасно широка и что он может использоваться для ограничения законной деятельности правозащитных и других общественных организаций»¹⁰⁴.*

Данная публикация стала возможна в результате получения в 1999 г. исследовательского гранта Фонда Фулбрайта (США) и неопенимой помощи в 1999 – 2000 гг. сотрудников архива Гуверского института войны, революции и мира Стэндфордского университета США во главе с его директором Еленой Даниельсон.

© Андрей Квакин, 2002.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 67.

² Юнг К.Г. Указ. Соч., С. 66.

³ См.: Главацкий М.Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историкографические этюды.– Екатеринбург, 2002; Лосский Б.К. К изгнанию людей мысли в 1922 г. // *Ступени*. 1992, № 1; Геллер М.С. «Первое предостережение» – удар хлыстом // *Вопросы философии*. 1990.- № 9; Кандидаты на высылку (Документы) // *История России. 1917 – 1940. Хрестоматия*. – Челябинск, 1994; Малышева С.Ю. Казанские профессора – пассажиры «философского» парохода // *Российское Зарубежье: история и современность*. М., 1998, с. 53 – 60; Белоус В.И., Маторина И.И. Власть и интеллигенция: к вопросу о высылке интеллигенции в 1922 г. // *1917 год в судьбах российских граждан*. Иваново, 1997; Маторина И.И. К вопросу о подходах к изучению проблемы высылки интеллигенции из России в 1922 г. // *Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход*. Материалы XI международной научно-практической конференции 20 – 22 сентября 2000 г. Иваново, 2000; Она же. Подготовка и осуществление высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 г. Нижний Новгород, 2001; Телицын В.Л. «Люди мысли»: изгнание из России. (Реконструкция списка высланных во второй половине 1922 – начале 1923 года) // *Факты и версии*. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. Книга III. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. СПб., 2002. С. 20 – 28; и др.

⁴ Маторина И.И. Проблема высылки группы «старой» интеллигенции из РСФСР в 1922 году в контексте взаимоотношений «старой» интеллигенции и Советской власти. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород, 2002.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // *Русская идея*. М. 1992, С. 145.

⁷ Бирлайн Дж. Параллельная мифология // *Миф и мифология в современной России*. 2000, С. 161.

См.: Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // *Миф и мифология в современной России*. 2000, С. 18.

⁹ См.: Шкуратов В. Историческая психология. Ростов-на-Дону, 1990.

¹⁰ Ленин (настоящая фамилия Ульянов) Владимир Ильич (1870 – 1924) – лидер большевиков, с октября 1917 г. председатель Совета народных комиссаров.

¹¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 189.

¹² Дзержинский Феликс Эдмундович (1877 – 1926) – из дворян, один из руководителей Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде, с декабря 1917 г. – председатель ВЧК (с 1922 г. председатель ГПУ-ОГПУ). В 1919 – 1923 гг. – нарком внутренних дел. С 1921 г. – одновременно нарком путей сообщения, с 1924 г. – председатель Высшего совета народного хозяйства.

¹³ Там же. с. 339.

¹⁴ Курский Дмитрий Иванович (1874 – 1932) – участник борьбы за Советскую власть в Одессе. Член большевистской партии с 1904 г. участник Декабрьского вооружённого восстания 1905 г. в Москве. С 1914 г. – в армии, прапорщик. В мае – августе 1917 г. – председатель Совета солдатских депутатов 4-й армии Румынского фронта, делегат 1-го Всероссийского съезда Советов, член Одесского ВРК. С марта 1918 г. член коллегии Наркомюста, с августа 1918 г. по 1928 г. – Нарком юстиции РСФСР, одновременно в 1918 – 1920 гг. комиссар Всероглаштаба и полевого штаба РВСР, член РВС РСФСР. С 1928 г.

на дипломатической работе. В 1924 – 1927 гг. – Председатель ЦРК, 1928 – 1930 гг. – член ЦКК ВКП (б). Член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР.

¹⁵ См.: *Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 45. с. 190 – 191.*

¹⁶ Там же. т. 54. с. 265 – 266.

¹⁷ Семашко Николай Александрович (1874 – 1949) – участник борьбы за Советскую власть в Москве, государственный и партийный деятель, один из организаторов советского здравоохранения. Академик АМН СССР с 1944 г., врач, участник революции 1905 – 1907 гг. Осенью 1917 г. – председатель Пятницкой управы Замоскворецкого района. Участвовал в подготовке и проведении Октябрьского вооружённого восстания. Один из руководителей совета районных дум. Заведующий медико-санитарным отделом Моссовета. В 1918 – 1930 гг. – нарком здравоохранения РСФСР, затем на научной работе.

¹⁸ Цит. По: *Соскин В.Л. Переход к нэпу и культура (1921 – 1923 гг.). Новосибирск, 1997, с. 65 – 66.*

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ Сталин (настоящая фамилия Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879 – 1953) – Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) с 1922 г., Председатель СНК СССР с 1941 г., председатель Совета Министров с 1945 г.

²¹ Троцкий (настоящая фамилия Бронштейн) Лев Давидович (1879 – 1940) – советский партийный и государственный деятель, во время Гражданской войны – Нарком по военным делам и Председатель Реввоенсовета Республики.

²² Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) Лев Борисович (1883 – 1936) – советский партийный и государственный деятель.

²³ Рыков Алексей Иванович (1881 – 1938) – заместитель председателя и председатель Совнаркома СССР.

²⁴ Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890 – 1986) – советский партийный и государственный деятель, Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930 – 1941 гг.

²⁵ Томский (настоящая фамилия Ефремов) Михаил Павлович (1880 – 1936) – партийный и государственный деятель. С октября 1917 г. – нарком продовольствия. Участник Гражданской войны в Сибири. С 1922 г. – заместитель наркома Наркомзема, председатель ВЦСПС. В 1929 г. освобождён от обязанностей председателя ВЦСПС, 1929 – 1930 гг. – заместитель председателя Президиума ВСНХ СССР, в 1932 – 1936 гг. – заведующий Объединением государственных книжно-журнальных издательств. До 1930 г. – член Политбюро ЦК ВКП (б), с 1934 г. – кандидат в члены ЦК партии. В обстановке массовых репрессий покончил жизнь самоубийством.

²⁶ *Соскин В.Л. Переход к нэпу и культура (1921 – 1923 гг.). Новосибирск, 1997, с. 65 - 66.*

²⁷ Там же.

²⁸ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872 – 1928) – критик, выслан, умер за границей.

²⁹ Уншлихт Иосиф Станиславович (1879 – 1938) – в социал-демократическом движении с 1900 г. Участник революции 1905 – 1907 гг. (Польша) и Октябрьской революции (Петроград). В 1919 г. – нарком по военным делам Литовско-Белорусской республики. С 1921 г. – заместитель председателя ВЧК, ГПУ. С 1923 г. – член РВС, а в 1925 – 1930 гг. – заместитель председателя РВС СССР. В 1933 – 1935 гг. – начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. С 1935 г. – секретарь Союзного Совета ЦИК СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП (б) с 1925 г., расстрелян 28 июля 1938 г., реабилитирован посмертно.

³⁰ *Соскин В.Л. Переход к нэпу и культура (1921 – 1923 гг.). Новосибирск, 1997, с. 67.*

³¹ Там же.

³² Из письма В.И. Ленина И.В. Сталину от 17 июля 1922 г. // *Хрестоматия по истории России. 1917 – 1930-е гг.: Учебное пособие.* / Под ред. М.Е. Главацкого. М., 1992. с. 96.

³³ *Соскин В.Л. Указ. Соч. с. 68.*

³⁴ *Соскин В.Л. Переход к нэпу и культура (1921 – 1923 гг.). Новосибирск, 1997, С. 72 – 73.*

³⁵ Брайант Луиза (1890 – 1936) – американская общественная деятельница, журналистка, автор ряда статей и книг об Октябрьской революции. Жена Джона Рида. В сентябре 1917 – январе 1918 гг. находилась в России. Автор книги «Шесть красных

месяцев в России», изданной в 1919 г. в Лондоне. В 1920 – 1921 гг. вторично была в РСФСР.

³⁶ **Цит. по: Геллер М.С. Указ. Соч. С. 59.**

³⁷ **Бердяев Николай Александрович (1874, Киев – 1948, Кламар, Франция)** – выдающийся религиозный философ, организатор и председатель Вольной Академии духовной культуры (Москва, 1918 – 1922). С 1922 г. – в эмиграции. Был деканом отделения истории Русского научного института в Берлине, инициатор создания Русской религиозно-философской академии в Берлине.

³⁸ **Булгаков Сергей Николаевич (1871, Ливны – 1944, Париж)** – религиозный философ, экономист. Профессор политэкономии в Киеве в 1901 – 1906 гг., Москве в 1906 – 1918 гг. Депутат 2-й Государственной Думы. С 1923 г. – в эмиграции. Профессор догматики и декан русского Богословского института в Париже в 1925 – 1944 гг.

³⁹ **Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878, Пермь – 1942, Шабри, Франция)** – писатель и журналист. Эсер в 1905 – 1906 гг. Участник Московского вооружённого восстания 1905 г. После Октябрьской революции председатель Всероссийского союза журналистов и товарищ председателя Московского отделения Союза писателей. В 1921 г. – активный участник Всероссийского комитета помощи голодающим. В эмиграции с 1922 г. Подвергался преследованиям нацистов.

⁴⁰ **Прокопович Сергей Николаевич (1871, Царское Село – 1955, Женева)** – экономист. Министр торговли и промышленности, а затем министр продовольствия во Временном правительстве. Член ПОМГОЛа. Выслан в 1922 г.

⁴¹ **Кондратьев Николай Дмитриевич (1892, Костромская губ. – 1938, ?)** – экономист. Товарищ министра продовольствия Временного правительства в октябре 1917 г., личный секретарь А.Ф. Керенского по делам сельского хозяйства. В 1918 г. – член подпольной организации «Союз возрождения России», признавшей верховным правителем России А.В. Колчака. Приговорён в 1920 г. к заключению в концлагерь «до конца гражданской войны». Через месяц амнистирован. Работал профессором Московской сельскохозяйственной академии, в 1920 – 1928 гг. – директор Конъюнктурного института при Наркомфине. В 1930 г. арестован, в 1938 г. – расстрелян.

⁴² **Шпет Густав Густавович (1879 – 1940)** – русский учёный-идеалист, последователь Э. Гуссереля. В 1923 – 1929 гг. – вице-президент Российской академии художественных наук. Оставил многочисленные труды по герменевтике, философии языка, эстетике, истории русской философии. В 1935 г. он был арестован и выслан в Енисейск, после чего ему было разрешено проживание в Томске. В 1937 г. он был арестован вторично и «тройкой» НКВД приговорён к 10 годам без права переписки, но в 1940 году расстрелян.

⁴³ **Озеров Иван Христофорович (1869 – 1942)** – экономист, профессор Московского и Петербургского университетов, сторонник политики классового сотрудничества. В 1901 – 1917 гг. – член Государственного совета от Академии наук и университетов. С 1930-х гг. жил в Доме престарелых учёных в Ленинграде.

⁴⁴ **Телицын В.Л. Указ. Соч. с. 21.**

⁴⁵ **Шмидт Отто Юльевич (1891 – 1956)** – советский учёный и государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути, академик, вице-президент Академии наук. В 1918 – 1921 гг. работал в Наркомпросе, Наркомфине, Наркомприроде. В 1932 – 1939 гг. – начальник Главсевморпути. Один из основателей БСЭ.

⁴⁶ **Шмидт Сигурт Оттович (род. в 1922 г. в Москве)** – в 1944 – 1948 гг. был аспирантом МГУ, до 1951 г. преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б), с 1957 г. – в МГИАИ, работал в Институте истории АН СССР, заместитель главного редактора журнала «История СССР».

⁴⁷ **Телицын В.Л. Указ. Соч. с. 27 - 28.**

⁴⁸ **Соскин В.Л. Указ. Соч. с. 83.**

⁴⁹ М.Е. Главацкий обнаружил в архиве документальное подтверждение авторства статьи Л.Д. Троцкого. См.: **Главацкий М.Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды.** – Екатеринбург, 2002. – с. 76 – 77.

⁵⁰ **Костиков В. О «феномене Лоханкина» и русской интеллигенции // Огонёк. 1988. № 49. с. 6.**

⁵¹ **Лосский Н.О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. с. 211.**

⁵² **Октябрь. 1988. № 1. с. 72; Знамя. 1990. № 3. с. 130.**

⁵³ См.: *Хоружий С. Философский пароход. Как это было. // Литературная газета.* 1990. № 19.

⁵⁴ *Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. с. 63.*

⁵⁵ См.: *Дмитриев С. Завет терпимости. Ленин и «Письма к Луначарскому» Короленко // Наш современник.* 1990. № 4. с. 174 – 189; *Костиков В. Изгнание из рая // Огонёк.* 1990. № 24. с. 14 – 16.

⁵⁶ См. *Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921 – 1927. Саратов, 1991. с. 114 – 115* на основе: *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12.*

⁵⁷ *Осоргин М.А. Времена. Париж, 1955. с. 180.*

⁵⁸ *Боткин С.Д.* – глава Русской организации в Берлине с 1920 по 1934 гг., признанной правительством Германии.

⁵⁹ *Гирс Михаил Никитович (1856 – 1932)* – дипломат, в годы Первой мировой войны посол России в Турции и в Италии, в 1919 г. участвовал в работе Парижской мирной конференции, в 1920 г. представлял правительство Врангеля во Франции, был избран председателем Совещания бывших российских послов, старейшина русского дипломатического корпуса за границей. Активный сторонник объединения эмиграции в борьбе против большевизма.

⁶⁰ *Hoover Institution Archives. Girs, Mikhail N. Box 21. Folder 21.-1.*

⁶¹ *Лосский Н.О. Указ. Соч. с. 218 – 219.*

⁶² *Лосский Николай Онуфриевич (1870 – 1965)* – философ, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма в России. В 1922 г. – выслан за границу, до 1945 г. жил в Праге.

⁶³ *Емельянов Ю.Н. Указ. Соч. с. 63.*

⁶⁴ *Стратонов Иринарх Аркадьевич* – родился в 1881 г., сын чиновника, выпускник истфилфака Казанского университета 1906 г., затем – профессор-историк этого университета, занимавшийся изучением различных аспектов российской истории XVIII века, историей русского летописания. В начале 1919 г. был избран деканом, а в августе 1920 г. – заместителем декана историко-филологического факультета. В начале 1919 г. Главное Управление Архивным делом назначило его на должность уполномоченного в деле охраны и разборки архивов Казанской губернии. Тогда же он возглавил борьбу за сохранение церковных сокровищ Кафедрального собора в Казани. Сокровища удалось отстоять и передать в музей благодаря поддержке наркома А.В. Луначарского и художника И.Э. Грабаря. Подробнее см.: *Мальшева С.Ю. Историк с «философского» парохода // Татарстан.* 1992. № 7 – 8.

⁶⁵ *Овчинников Александр Александрович* – сын сельского священника, выпускник юрфака Казанского университета 1897 г., стажировался во многих европейских университетах, был известным профессором-статистом, автором популярного учебника по статистике, многих других работ, возглавлял статистическое отделение Казанской губернской земской управы. До 1917 г. дважды избирался проректором Казанского университета, а в феврале 1921 г. был избран Советом университета на должность ректора. Подробнее см.: *Мальшева С.Ю. Казанские профессора – пассажиры «философского» парохода // Российское Зарубежье: история и современность. М., 1998, с. 53.*

⁶⁶ *Трошин Григорий Яковлевич* – сын мещанина, выпускник медицинского факультета Казанского университета 1900 г., занимался у знаменитого профессора В.П. Осипова, учителем которого был сам В.М. Бехтерев. Докторскую диссертацию защитил в Военно-медицинской академии в Петербурге, преподавал там, в педагогическом институте. С февраля 1922 г. – декан медицинского факультета Казанского университета. См.: *Мальшева С.Ю. Казанские профессора... с. 53 – 54.*

⁶⁷ *Мальшева С.Ю. Казанские профессора... с. 54.*

⁶⁸ *Ходасевич Владислав Фелицианович (1886 – 1939)* – поэт, выслан, умер в эмиграции.

⁶⁹ *Ходасевич В.Ф. Некрополь: Воспоминания. Брюссель. 1939. с. 278.*

⁷⁰ *Hoover Institution Archives. Girs, Mikhail N. Box 21. Folder 21.-1.*

⁷¹ *Зубов Валентин Платонович (1884 – 1969, Париж)* – граф, образование получил в университетах Санкт-Петербурга и Лейпцига. Жил во Флоренции. Защитил диссертацию на степень доктора. В 1910 – 1915 гг. был приписан к Императорскому Эрмитажу. 2 марта 1912 г. открыл в Санкт-Петербурге Институт по истории искусства, был его бессменным

директором. В это же время являлся почётным старшиной Школы императорского женского патриотического общества имени Великой Княгини Екатерины Михайловны. 16 июня 1925 г. эмигрировал, жил в Италии, Германии, Англии, Франции. Выступал с лекциями, участвовал в работе Русско-американской академической группы как член правления и докладчик. Печатался в «Русской мысли».

⁷² **Строев Василий Николаевич (1873 – 1931?)** – профессор русской истории Петроградского университета, эмигрант, жил и работал в Берлине.

⁷³ «**Строев**» – псевдоним **Василия Алексеевича Десницкого (1878 – 1958)** – известный публицист, один из основателей (вместе с М. Горьким и Н.Н. Сухановым) популярной питерской газеты «Новая жизнь», социал-демократ, поэт, литературовед.

⁷⁴ **Зубов В.П.** *Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917 – 1925).* Мюнхен, 1968. с. 135.

⁷⁵ **Мякотин Сергей Петрович (1879 – 1956)** – историк и публицист, редактор журнала «Голос минувшего». Выслан из РСФСР в 1922 г. В эмиграции издавал журналы «Борьба за Россию», «На чужой стороне», «Голос минувшего на чужой стороне», «Возрождение».

⁷⁶ **Беседа с Мякотинным // Руль. 1922, 1 октября.**

⁷⁷ **РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. д. 1245. л. 1 – 7.**

⁷⁸ **Главацкий М.Е.** «*Философский пароход*»: год 1922-й: *Историографические этюды.* – Екатеринбург, 2002. – с. 196.

⁷⁹ **Державин Николай Севастьянович (1877 – 1953)** – российский историк, филолог, академик АН СССР с 1931 г., имеет работы по этногенезу славян, истории русской литературы, болгарской культуре. Удостоен Государственной премии СССР 1948 г.

⁸⁰ **Hoover Institution Archives. Nicolaevsky B.I.** Box 211. Folder 211.– 7.

⁸¹ **Соскин В.Л.** *Указ. Соч. с. 79.*

⁸² **Философов Дмитрий Владимирович (1872 – 1940)** – публицист. В эмиграции – один из руководителей Народного Союза Защиты Родины и Свободы, руководитель его варшавского отдела и редактор газеты «За свободу» в 1921 – 1932 гг.

⁸³ **Гиппиус З.Н.** *Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. с. 241.*

⁸⁴ **Новиков М.М.** *Русская научная организация ... с. 38.*

⁸⁵ **Новиков Михаил Михайлович (1876 – 1965, Нью-Йорк)** – биолог, общественный и государственный деятель, ректор Московского университета в 1919 – 1920 гг., выслан в 1922 г., организатор Русского научного института в эмиграции. Жил в Чехословакии и США.

⁸⁶ **Степун Фёдор Августович (1884 – 1965, Мюнхен)** – религиозный философ, историософ, культуролог, социолог, теоретик искусства, писатель и публицист. Выслан в 1922 г., жил в Германии.

⁸⁷ **Степун Ф.А.** *Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. т. 2. с. 420.*

⁸⁸ **Лосский Н.О.** *Указ. Соч. с. 220.*

⁸⁹ **Оцун Николай Авдиевич (1894 – 1958, Париж)** – поэт, с 1922 г. в эмиграции.

⁹⁰ **Замятин Евгений Иванович (1884 – 1937, Париж)** – прозаик, теоретик литературы. С 1931 г. – в эмиграции.

⁹¹ **Оцун Н.** *Современники. Париж, 1961. с. 101.*

⁹² **Hoover Institution Archives. Girs, Mikhail N.** Box 21. Folder 21.-1.

⁹³ **Ковалевский П.Е.** *Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920 – 1970). Париж, 1971. т. 1. с. 14.*

⁹⁴ **Терапиано Юрий Константинович (1892 – 1980, Париж)** – поэт, критик, историк религии. Эмигрировал во время эвакуации Добровольческой армии, жил в Константинополе и Париже.

⁹⁵ **Терапиано Ю.К.** *Вступительная статья // Муза диаспоры. Ф. а. М., 1960. с. 7.*

⁹⁶ **Каргашёв Антон Владимирович (1875 – 1960)** – государственный и общественный деятель, историк церкви, публицист. В январе 1919 г. по благословению патриарха Тихона выехал за границу. Участвовал в создании Русского национального комитета в 1924 – 1940 гг. В 1925 – 1960 гг. преподавал в Православном богословском институте в Париже.

⁹⁷ **Ассоциация Христианской молодёжи (УМСА–ИМКА)** – Христианский Союз Молодежи был основан в Лондоне в 1844 г. Д. Вильямсом. В 1932 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей определил осудить ИМКА, как

организацию схожую с масонством и находящуюся с ним в тесной связи. Епархиальным Преосвященным и Начальникам миссий поручалось бороться с масонством и организациями схожими с ним, в том числе и с ИМКА, а их членов, не желавших выйти из организации, лишать Святого Причастия и даже отлучать от Святой Церкви.

⁹⁸ **Русская Академическая Группа в Париже** была основана в 1920 г.

⁹⁹ **Hoover Institution Archives.** *Girs, Mikhail N.* Box 21. Folder 21.-1.

¹⁰⁰ **Ясинский Всеволод Иванович** – инженер железнодорожного транспорта, председатель правления Дома учёных в Москве. В 1922 г. выслан из РСФСР.

¹⁰¹ **Фёдоров Михаил Михайлович (1858 – 1946)** – правовед, издатель, общественный деятель, в эмиграции с 1920 г., жил во Франции.

¹⁰² **Попов Николай Александрович (? – 1954)** – профессор химии.

¹⁰³ **Hoover Institution Archives.** *Nicolaevsky B.I.* Box 211. Folder 211.-7.

¹⁰⁴ **Международная Амнистия. Нарушение прав человека в Европе, вызывающие озабоченность Международной Амнистии.** Январь – июнь 2002 г. Лондон. 2002. с. 8.

Данная публикация стала возможна в результате получения в 1999 г. исследовательского гранта Фонда Фулбрайта (США) и неоценимой помощи в 1999 – 2000 гг. сотрудников архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США во главе с его директором Еленой Даниельсон.

© Андрей Квакин, 2002.